Но, пренебрег как он сей верный опыт дружбы,
Я мню, что право дал искать твоей мне службы.
Угодна ли она? Прими меня в покров,
Я разделить с тобой добро и зло готов.
Все пользы сохраню твои и Палестине,
Как твоего хранил противника доныне.
Сбирал богатствы там, могущих низил часть;
Но тем поддерживал я только Рима власть».
Так рек. И после в миг толь сильного признанья
Он привезенных в дар сокровищей блистанья
Во Капитолии, как бездны звезд, открыл:
Октавия — душой, — Рим златом победил.

Соломия

О дерзостный хитрец! Но что по письмам тайным?

Антипатр

Развратный Рим не счел то чудом чрезвычайным,
Супруга что в любви супругу не верна.
Но Мариамна чтоб в другого влюблена,
Не верил я и сам; однако же искусно
По знатным я домам пересказал изустно,
За тайну между жен рассеял под рукой,
Что мой отец не так счастлив второй женой.
Что ты, её храня от общества дурного,
Должна быть жертвою сама днесь нрава злого.
И в сем-то я успел. До Ирода сей слух
Едва достиг, смутил надменный, скрытый дух.
Л. 43 об. Однажды, возвратясь он с страстных игр позора,
Вздыхал и на меня метал свирепость взора;
Приблизясь же, спросил: не знаю ль я чего
Происходящего в семействе у него?
Я, как бывает то с придворными нередко,
Глядел ему в глаза и молча целил метко,
В какую сердца часть пустить ему стрелу;
Увидя же в нем кровь, кипящу, как смолу,
От ревности к своей супруге беспримерной,
С усмешкой «да… и … нет…» вполгласа речью темной
Раздул пожар. А как с бесценностьми ковчег
Рабе Июльи снес,[21] то раз с ним средь утех
Супруга цесаря, занявшись Мариамной,
Рекла, что красоты сей образ зрела славной
После Антония у Августа в руках.
Как молнья, речь сия его расшибла в прах.
Как бешеной с тех пор и разума лишенный,
Он тотчас поспешил оставить Тибра стены.

---

[21] (Л. 44) ***Кто снес ковчег? Ирод или Антипатр, надобно вместить.*** (Примечание перечеркнуто, фраза исправлена: *А как я с перлом твой ковчег // Рабе Июльи дал...*).